

Гиганты Азии

Гуанчжоу и Пекин обсуждают сдержки и противовесы

Институт Зоны Большого Залива Гуандуна, возглавляемый Чжэн Юннэнем, не является собранием учёных умов, но принимает в своих стенах плюралистическую дискуссию между несколькими крупнейшими центрами стратегических разработок китайских регионов.

Среди представителей Пекина можно назвать Давида Ли Даокуя, директора Центра изучения Китая в мировой экономике в пекинском Университете Цинхуа, ранее члена комитета по монетарной политике Народного банка Китая, независимого делегата в Консультативной комиссии и докладчика в ЦК КПК; а также Джастина Ифу Линя, вместе с Чжан Вэйин основавшего Национальную школу развития в Пекинском университете, ранее главного экономиста и вице-президента Всемирного банка; нынешним ректором школы является Яо Ян.

Среди представителей Шанхая выделяются Чжан Цзюнь, президент Школы экономики в Университете Фудань, и Лю Мин, руководитель Института национальной экономики в Университете Цзяо Тун. Противостояние на высоком уровне, как мы задокументировали, происходит по поводу политических форм китайского государства, а также региональных сил, которые поддерживают те или иные вариации и градации в зависимости от различных политических целей.

Демократия властей

Ли Даокуй выдвигает тезис, схожий с позицией Ван Хунина, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и теоретика *«демократии с китайскими особенностями»*, противопоставляемой *«формальной демократии»* по западной модели.

Дискуссия является также завершающим аккордом кризиса в Гонконге 2014 года, в котором противостояли друг другу *«абсолютное право голоса»*, которого требовали демократические течения, и *«конституционное право голоса»*, регулируемое Основным законом, подготовленным совместно с Пекином. С точки зрения Ли, однако, проблема *«настоящей демократии»* в Китае касается не столько всенародных выборов, сколько *«равновесия властей»* в рамках коллективного лидерства.

Опыт Большого скачка и Культурной революции демонстрирует, что *«сдержки и противовесы власти внутри малой группы высших руководителей в условиях демократии имеют абсолютно ключевое значение. Демократия для всего населения – это другое дело. В свои последние дни Мао считался богом и принимал опасные решения, несмотря на возражения старых товарищей»*. Поэтому в 1980-е годы посредством различных мер происходило восстановление *«коллективного лидерства»* внутри Политбюро. Однако поскольку Политбюро и Постоянный комитет включают в себя представителей плюрализма политических властей, то последние должны друг друга уравнивать. *«Председатель Си Цзиньпин верно поставил вопрос: власть должна быть заключена в клетку институтов»*.

Ли Даокуй приводит интерпретацию политической мысли Си, согласно которой, Постоянный комитет Политбюро представляет собой *«равновесие властей с китайской спецификой»*. По мнению Ли, *«клетка»* институциональных форм, в которую заключены *внутрипартийные* власти, должна обеспечить плюрализм в рамках коллективного лидерства.

Пекин тоже за “сдержки и противовесы”

Яо Ян из Национальной школы развития вспоминает конфуцианскую традицию и политическую культуру китайского *«прагматизма»*, чтобы провести различие с либеральной демократией. Он пишет, что централизованная система отбора политического персонала через КПК представляет собой преимущество перед западной демократией, подверженной электоральным колебаниям. *«В такой крупной стране, как Китай, это также предоставляет центру мощный инструмент контроля над местными чиновниками»*. С другой стороны, такая система может также легко стать жёсткой, подавляя инициативу провинций и чиновников, проходящих подготовку. Наконец, отбор путём внутренней *«меритократии»* и не прямой демократии съездов может ослабить признание народом

центральной власти, которая в конфуцианском государстве возведена в сан «мандатом неба».

Яо тоже фокусируется больше на равновесии властей, нежели на избирательной системе. *«Электоральное соревнование, наверное, не самая подходящая вещь, которую можно было бы порекомендовать для заполнения пробелов в системе. Зато стоит внедрить сдержки и противовесы. Суть конституционного правительства – в разделении властей и вытекающих из них сдержках и противовесах. Однако это не должно быть уникальной характеристикой либеральной демократии; любая рациональная политическая система должна иметь разделение властей, поскольку иначе невозможно производить разумное управление в современном обществе, отличающемся своей сложностью. Жаль, что идея сдержек и противовесов, являющаяся техникой управления, стала настолько идеологически окрашенной и на Западе, и на Востоке, что рациональная дискуссия о ней невозможна без предварительной отсылки к оценке политической системы»* (“Конфуцианское государство”, июнь 2020 г.).

Внешняя коллизия и государственные формы

Само собой, Пекинские школы ведут полемику с Западом, который настаивает на всеобщих выборах и ищет брешь в политической лаборатории Гонконга. С другой стороны, действительное противостояние между китайскими течениями оспаривает тот факт, что “сдержки и противовесы” и равновесие властей стали отличительным знаком империалистической демократии, утвердившейся в результате вековых политических сражений как раз на Западе. Чжэн Юннань пишет, что «баланс» между западным элементом и отличием от него на самом деле является конституирующей чертой китайского государства и не может не отражаться на политических формах.

«Современная трансформация государства в Китае является результатом неизбежной интеграции страны в мировой рынок и глобальный капитализм», поэтому *«в значительной степени»* государственная модернизация происходила посредством вестернизации. Чжэн без стеснения приводит список ключевых элементов китайской государственной надстройки, перенятых от опыта западных империализмов: *«система налогообложения федерального типа»*, система центрального банка и значительная часть законодательного корпуса, например, уголовное и гражданское право, введенное в Китае Пэн Чжэнем, китайским Кельзенем (“*Civilization and the Chinese Body Politic*”, 2023). Это не означает, что Пекину следует перенять *«разделение властей»* западного образца: *«Монтескье описывал то, что происходило в Европе»*, где монархия, аристократия и буржуазия уравнивали друг друга, в то время как в Китае, по мнению Чжэна, КПК унаследовала и интроецировала функцию *«весов и противовесов»*, которые уже существовали в имперской традиции. Отсюда теории об отличном и особенном уравнивании властей (“*The Chinese Communist Party as Organizational Emperor*”, 2010).

Восстановление диалектики властей

По словам политолога из Шэньчжэня, в истории КПК происходила серия *«попыток приспособить государственную структуру к глобализации»* и дать *«китайский»* ответ на проблему равновесия властей: Комиссия Восьми Бессмертных, возглавляемая Дэн Сяопином с 1982-го по 1987 год и Чэнь Юнем с 1987-го по 1992-й, была *«временным решением»*; попытка в 1980-е годы *«отделить партию от правительства»* провалилась и привела к фатальным конфликтам в 1989 году. После кризиса на площади Тяньаньмэнь XIV съезд КПК в 1992 году сформировал *«ядро коллективного лидерства»* в лице единственной фигуры, совмещающей посты секретаря партии, главы Центрального военного совета и председателя государства, ясно отвергнув идею разделения партии и государства. Формула *«первым делом внутрипартийная демократия, а социальная демократия потом»*, предложенная в 2007 году на XVII съезде, была скорее *«следом»*: руководство партии формировалось посредством контролируемых голосований в ЦК, но от этой практики отошли в 2017 году на XIX съезде, а от фигуры *«ядра коллективного лидерства»* отказались ещё в 2002 году на XVI съезде, изменив мандат Ху Цзиньтао, который считался *первым среди равных*.

Чжэн считает, что централизация, навязанная руководством Си Цзиньпина, *«обоснована»* двойной необходимостью *«побороть олигархов»*, выросших в эру Ху, и начать *«новую волну институциональных реформ»*, а это требует, согласно видению самого Си, *«централизованного подхода сверху»*. Линия *«интеграции партии и правительства»*, высказанная Ван Цишанем, главой Центральной дисциплинарной комиссии и вице-председателем Китая во время первых двух сроков Си, является *«более реалистичной»* в переопределении разделения и равновесия *«трёх китайских властей»*: власти принятия решений в лице партии, исполнительной власти в лице правительства и контролирующей власти в лице образованной в 2018 году Национальной надзорной комиссии, восстанавливающей *«определённый уровень весов и противовесов»* по ходу антикоррупционной кампании.

Централизация Си Цзиньпина

«Институциональная конструкция», как предупреждает Чжэн, не закончена, и некоторые меры *«излишней централизации»* могут быть временными. В действительности процесс централизации, функциональный для потенциального институционального скачка, принял *«различные формы»*: Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК уменьшился в составе с 9 до 7 членов после исключения Политико-юридической комиссии бывшего «тигра» Чжоу Юнкана; четыре *«новых институциональных органа»* сопровождают Постоянный комитет в исполнении функций центральных *«руководящих групп»*: Центральные комиссии по реформам, информационным делам, военной реформе и Комиссия по национальной безопасности, китайский СНБ; *«ядро лидерства»* восстановлено и укреплено по ходу *«третьего срока»* Си и с восстановлением *«де-факто»* председательства КПК, упразднённого в 1982 году; военная реформа ставит новые департаменты армии в подчинение Центральному военному совету и концентрирует семь военных регионов в пять командований театром. Наконец, реформа судебных округов объединила суды в шесть крупных региональных зон, сократив влияние провинциальных правительств.

По словам Чжоу Цяна, председателя Китайского верховного суда с 2013-го по 2023 год, в этом состоит *«относительное»* отделение судебной власти, отличное от модели западной *«конституциональной демократии»*. Чжоу отвергает идею *«абсолютной»* независимости судебной власти, происходящую из *«американской концепции разделения властей»*, и выступает за её относительную независимость от КПК, укреплённую в отношениях с отдельными провинциями. Это подтверждает практику *«многоуровневого»* разделения властей, пусть и в особенных формах их разделения на местном уровне в зависимости от централизации. От Гуанчжоу до Пекина крупнейшие течения китайского империализма не скрывают диалектику властей.

Март 2024 г.